

Лесков Николай Семенович

Русская рознь

Очерки и рассказы 1880-1881 гг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Семенович Л.**
Русская рознь: Очерки и рассказы 1880-1881 гг / Лесков Николай Семенович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 448 с.

ISBN 978-5-519-93310-0

Содержание. Несмертельный Голован; Дворянский бунт в добрынском приходе; Ракушанский меламед; Белый орел; Чертогон; Император Франц Иосиф и Анна Фетисовна; Христос в гостях у мужика; Русские демономаны; Обнищеванцы; Святительские тени; Царская коронация

ISBN 978-5-519-93310-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Нессмертельный Голованъ (изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ).	1
II. Дворянскій бунтъ въ добрынскомъ приходѣ	62
III. Ракушанскій меламедъ	115
IV. Вѣлѣй Орелъ	160
V. Чертогонъ	187
VI. Императоръ Францъ-Іосифъ и Анна Фетисовна	203
VII. Христосъ въ гостяхъ у мужика (Рождественскій разсказъ) . .	215
VIII. Русскіе дежюманы	228
IX. Обнищавшіе. (Религіозное движеніе въ фабричной средѣ. 1861—1881).	294
X. Святительскія тѣни	390
XI. Царская коронація	416

I.

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАНЪ

ИЗЪ РАЗКАЗОВЪ О ТРЕХЪ ПРАВЕДНИКАХЪ.

„Совершенная любовь изгоняетъ страхъ“.

Юаннъ.

I.

НЪ САМЪ почти мнѣ, а исторія его легенда. Чтобы повѣствовать о немъ — надо быть французомъ, потому что однимъ людямъ этой націи удается объяснять другимъ то, чего они сами не понимаютъ. Я говорю все это съ тою цѣлю, чтобы впередъ испросить себѣ у моего читателя снисхожденія ко всестороннему несовершенству моего разсказа о лицѣ, воспроизведеніе котораго стоило бы трудовъ гораздо лучшаго мастера, чѣмъ я. Но Голованъ можетъ быть скоро совсѣмъ позабытъ, а это была бы утрата. Голованъ стоитъ вниманія, и хотя я его знаю не на столько, чтобы могъ начертать полное его изображеніе, однако я подберу и представлю нѣкоторыя черты этого невысокаго ранга смертнаго человѣка, который сумѣлъ прослыть несмертельнымъ.

Прозвище „несмертельнаго“, данное Головану, не выражало собою насмѣшки и отнюдь не было пустымъ, бессмысленнымъ звукомъ—его прозвали несмертельнымъ, вслѣдствіе сильнаго убѣжденія, что Голованъ—человѣкъ особенный, человѣкъ, который не боится смерти. Какъ могло сложиться о немъ такое мнѣніе среди людей, ходящихъ подъ Богомъ и всегда помнящихъ о своей смертности? Была ли на это достаточная причина, развившаяся въ послѣдовательной условности, или же такую кличку ему дали случайная простота, которая сродни глупости?

Мнѣ казалось, что послѣднее было вѣроятнѣе, по какъ судили о томъ другіе—того я не знаю, потому что въ дѣтствѣ моемъ этотъ вопросъ мнѣ не представлялся, а когда я подросъ и могъ понимать вещи—„несмертельнаго Голована“ уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ и притомъ не самымъ опрятнымъ образомъ: онъ погибъ во время такъ называемаго въ г. Орлѣ „большого пожара“, утонувъ въ кипящей яминѣ, куда упалъ, спасая чью-то жизнь, или чье-то добро. Однако „часть его большая, отъ тлѣна убѣжавъ, продолжала жить въ благодарной памяти“ и я хочу попробовать запести на бумагу то, что я о немъ зналъ и слышалъ, дабы такимъ образомъ еще продлилась на свѣтѣ его достойная вниманія память.

II.

Несмертельный Голованъ былъ простой человѣкъ. Лицо его съ чрезвычайно крупными чертами врѣзалось въ моей памяти съ раннихъ дней и осталось въ ней навсегда. Я его встрѣтилъ въ такомъ возрастѣ, когда говорятъ, будто бы дѣти еще не могутъ получать прочныхъ впечатлѣній и износить изъ нихъ воспоминаній на всю жизнь, но однако со мною случилось иначе. Случай этотъ отмѣченъ моею бабушкою слѣдующимъ образомъ:

„Вчера (26 мая 1835 г.) приѣхала изъ Горохова къ Машенькѣ (моей матери), Семена Дмитрича (отца моего) не застала дома, по командировкѣ его въ Елецъ на слѣдствіе о страшномъ убійствѣ. Во всемъ домѣ были однѣ мы, женщины и дѣвичья прислуга. Кучеръ уѣхалъ съ нимъ (отцомъ моимъ), только дворникъ Кондратъ оставался, а на ночь сторожъ въ переднюю ночевать приходилъ изъ правленія (губернское правленіе, гдѣ отецъ былъ совѣтникомъ). Сегодняшняго же числа Машенька въ двѣнадцатомъ часу пошла въ садъ, посмотрѣть цвѣты и кануферъ полить, и взяла съ собою Николушку (меня) на рукахъ у Анны (понины живы старушки). А когда они шли назадъ къ завтраку, то едва Анна начала отпирать калитку, какъ на нихъ сорвалась цѣпная Рябка, прямо съ цѣпью, и прямо кинулась на грудцы Анны, но въ ту самую минуту, какъ Рябка, опершись лапами бросился на грудь Анны, Голованъ схватилъ его за шиворотъ, стиснулъ и бросилъ въ погребное творило. Тамъ бѣшеннаго пса и пристрѣлили изъ ружья, а дитя спаслось“.

Дитя это былъ я, и какъ бы точны ни были доказательства, что полутора-годовой ребенокъ не можетъ помнить, что съ нимъ происходило, я помню это происшествіе живо и ясно, со всѣми деталями.

Я, конечно, не помню: откуда взялась взбѣшенная Рябка и куда ее дѣлъ Голованъ, послѣ того какъ она захрипѣла, барахтаясь лапами и извиваясь всѣмъ тѣломъ въ его высоко поднятой желѣзной рукѣ; но я помню моментъ... только моментъ. Это было какъ при блескѣ молоньи среди темной ночи, когда почему-то вдругъ видишь чрезвычайное множество предметовъ заразъ: занавѣсъ кровати, ширму, окно, вздрогнувшую на жордочкѣ канарейку, и стаканъ съ серебряной ложечкой, на ручкѣ которой пятнышками осѣла магнезія. Таково вѣроятно свойство страха, имѣющаго большія очи. Въ одномъ та-

комъ моментѣ, я какъ сейчасъ вижу передъ собою огромную собачью морду, въ мелкихъ пестринахъ,—сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пѣны въ синеватомъ, точно напояженномъ зѣвѣ... оскаль, который хотѣлъ уже защелкнуться, но вдругъ верхняя губа надъ нимъ вывернулась, разрывъ потянулся къ ушамъ, а снизу судорожно задвигалась какъ голый человѣческій локоть выпятившаяся горловина. Надо всѣмъ этимъ стояла огромная человѣческая фигура съ огромною головою, и она взяла и понесла бѣшеннаго пса. Во все это время лицо человѣка улыбалось.

Описанная фигура былъ Голованъ. Я боюсь, что со-всѣмъ не сумѣю нарисовать его портрета, именно потому, что очень хорошо и ясно его вижу.

Въ немъ было, какъ въ Петрѣ Великомъ, пятнадцать вершковъ; сложеніе онъ имѣлъ широкое, сухое и мускулистое, былъ смугль, круглолицъ, съ голубыми глазами, очень крупнымъ носомъ и толстыми губами. Волосы на головѣ и подстриженной бородѣ Голована были очень густые, цвѣта соли съ перцомъ. Голова была всегда коротко острижена, борода и усы тоже. Выраженіе—спокойная и счастливая улыбка, которая не оставляла лица Голована ни на минуту: она свѣтилась въ каждой чертѣ, но преимущественно играла на устахъ и въ глазахъ умныхъ и добрыхъ, но какъ будто немножко насмѣшливыхъ. Другого выраженія у Голована какъ будто не было, по крайней мѣрѣ я иного не помню. Къ дополненію этого неискускаго портрета Голована надо упомянуть объ одной странности или особенности, которая заключалась въ его походкѣ. Голованъ ходилъ очень скоро, всегда какъ будто куда-то поспѣшая, но не ровно, а съ подскокомъ. Онъ не хромалъ, а, по мѣстному выраженію, „шеандыбалъ“, то-есть на одну, на правую ногу наступалъ твердою поступью, а съ лѣвой подпрыгивалъ. Каза-

лось, что эта нога у него не гнулась, а пружинила гдѣ-то въ мускулѣ или въ суставѣ. Такъ ходятъ люди на искусственной ногѣ, но у Голована она была не искусственная; хотя впрочемъ эта особенность тоже и не зависѣла отъ природы, а ее устроилъ себѣ онъ самъ, и въ этомъ была тайна, которую нельзя объяснить сразу.

Одѣвался Голованъ мужикомъ,—всегда, лѣтомъ и зимою, въ пеклые жары и въ сорока-градусные морозы, онъ носилъ длинный, нагольный овчинный тулупъ, весь промасленный и почернѣвшій. Я никогда не видалъ его въ другой одеждѣ и отецъ мой, помню, частенько шутилъ надъ этимъ тулупомъ, называя его „вѣковѣчнымъ“.

По тулупу Голованъ подпоясывался „чекменнымъ“ ремешкомъ, съ бѣлымъ сбруйнымъ наборомъ, который во многихъ мѣстахъ пожелтѣлъ, а въ другихъ совсѣмъ осыпался и оставилъ наружѣ дратву да дырки. Но тулупъ содержался въ опрятности отъ всякихъ мелкихъ жильцовъ,—это я зналъ лучше другихъ, потому что я часто сиживалъ у Голована за пазухой, слушая его рѣчи, и всегда чувствовалъ себя здѣсь очень покойно.

Широкій воротъ тулупа никогда не застегивался, а напротивъ всегда былъ открытъ до самаго пояса. Здѣсь было „нѣдро“, представлявшее очень просторное помѣщеніе для бутылокъ со сливками, которыя Голованъ поставлялъ на кухню орловскаго дворянскаго собранія. Это былъ его промыселъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ „вышелъ на волю“ и получилъ на разживу „ермоловскую корову“.

Могучую грудь „несмертельнаго“ покрывала одна холщевая рубашка малороссійскаго покроя, т. е. съ прямымъ воротомъ, всегда чистая, какъ вишень, и непременно съ длинною цвѣтною завязкою. Эта завязка была иногда лента, иногда просто кусокъ шерстяной матеріи, или даже ситца, но она сообщала наружности Голована

нѣчто свѣжее и джентельменское, что ему очень шло, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ джентельменъ.

III.

Мы были съ Голованомъ сосѣди. Нашъ домъ въ Орлѣ былъ на третьей Дворянской улицѣ и стоялъ третій по счету отъ берегового обрыва надъ рѣкою Орликомъ. Мѣсто здѣсь довольно красиво. Тогда, до пожаровъ, это былъ край настоящаго города. Вправо за Орликъ шли мелкія хибары слободы, которая примыкала къ коренной части, оканчивавшейся церковью Василя Великаго. Сбоку былъ очень крутой и неудобный спускъ по обрыву, а сзади за садами — глубокій оврагъ и за нимъ степной выгонъ, на которомъ торчалъ какой-то магазинъ. Тутъ по утрамъ шла солдатская муштра и палочный бой, — самыя раннія картины, которыя я видѣлъ и наблюдалъ чаще всего прочаго. На этомъ же выгонѣ, или, лучше сказать, на узкой полосѣ, отдѣлявшей наши сады заборами отъ оврага, паслись шесть или семь коровъ Голована и ему же принадлежавшій красный быкъ „ермолловской“ породы. Быка Голованъ содержалъ для своего маленькаго, но прекраснаго стада, а также разводилъ его въ поводу „на подержанье“ по домамъ, гдѣ имѣли въ томъ хозяйственную надобность. Головану это приносило доходъ.

Средства Голована къ жизни заключались въ его удоистыхъ коровахъ и ихъ здоровомъ супругѣ. Голованъ, какъ я выше сказалъ, поставлялъ на дворянскій клубъ сливки и молоко, которые славились своими высокими достоинствами, зависѣвшими конечно отъ хорошей породы его скота и отъ добраго за нимъ ухода. Масло, поставляемое Голованомъ, было свѣжо, желто, какъ желтокъ, и

ароматно, а сливки „не текли“, то-есть, если онъ оборачивалъ бутылку внизъ горлышкомъ, то сливки не лились струей, а падали какъ густая, тяжелая масса. Продуктовъ низшаго достоинства Голованъ не ставилъ и потому онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ, а дворяне тогда не только умѣли ѣсть хорошо, но и имѣли чѣмъ расплачиваться. Кромѣ того Голованъ поставлялъ также въ влубъ отмѣнно крупныя яйца отъ особенно крупныхъ голандскихъ куръ, которыхъ водилъ во множествѣ, и наконецъ „приготавливалъ телятъ“, отпаивая ихъ мастерски и всегда ко времени, напимѣръ къ наибольшему съѣзду дворянъ, или къ другимъ особеннымъ случаямъ въ дворянскомъ кругѣ.

Въ этихъ видахъ, обусловливающихъ средства Голована къ жизни, ему было очень удобно держаться дворянскихъ улицъ, гдѣ онъ продовольствовалъ интересныхъ особъ, которыхъ орловцы нѣкогда узнавали въ Паншинѣ, въ Лаврецкомъ и въ другихъ герояхъ и героиняхъ „Дворянскаго гнѣзда“.

Голованъ жилъ впрочемъ не въ самой улицѣ, а „на отлетѣ“. Постройка, которая пазывалась „Головаповымъ домомъ“, стояла не въ порядкѣ домовъ, а на небольшой террасѣ обрыва подъ лѣвымъ рядомъ улицы. Площадь этой террасы была сажень въ шесть въ длину и столько же въ ширину. Это была глыба земли, которая когда-то поѣхала внизъ, но на дорогѣ остановилась, окрѣпла и, не представляя ни для кого твердой опоры, едва ли составляла чью нибудь собственность. Тогда это было еще возможно.

Головапову постройку въ собственномъ смыслѣ нельзя было назвать ни дворомъ, ни домомъ. Это былъ большой, низкій сарай, занимавшій все пространство отпавшей глыбы. Можетъ быть безформенное зданіе это было здѣсь возведено гораздо ранѣе, чѣмъ глыбѣ вздумалось спу-

ститься, и тогда оно составляло часть ближайшаго двора, владѣлецъ котораго за нимъ не погнался и уступилъ его Головану за такую дешевую цѣну, какую богатырь могъ ему предложить. Помнится мнѣ даже, какъ будто говорили, что сарай этотъ былъ подаренъ Головану за какую то услугу, оказывать которая онъ былъ большой охотникъ и мастеръ.

Сарай былъ передѣленъ надвое: одна половина, обмазанная глиной и выбѣленная, съ тремя окнами на Орликъ, была жилымъ помѣщеніемъ Голована и находившихся при немъ пяти женщинъ, а въ другой были надѣланы стойла для коровъ и быка. На низкомъ чердакѣ жили голандскія куры и черный „шпанскій“ пѣтухъ, который жилъ очень долго и считался „колдовской птицей“. Въ немъ Голованъ растилъ пѣтушій камень, который нуженъ на множество предметовъ, на то, чтобы счастье приносить, отнятое государство изъ непріятельскихъ рукъ возвращать и старыхъ людей на молодыхъ передѣлывать. Этотъ камень зрѣетъ семь лѣтъ и созрѣваетъ только тогда, когда пѣтухъ пить перестанетъ.

Сарай былъ такъ великъ, что оба отдѣленія,—жилое и скотское, были очень просторны, но не смотря на всю о нихъ заботливость, плохо держали тепло. Впрочемъ тепло нужно было только для женщинъ, а самъ Голованъ былъ нечувствителенъ къ атмосфернымъ переѣнамъ и лѣто и зиму спалъ на ивняковой плетенкѣ въ стойлѣ, возлѣ любимца своего, краснаго тирольскаго быка „Васьки“. Холодъ его не бралъ, и это составляло одну изъ особенностей этого миѣческаго лица, черезъ которыя онъ получилъ свою баснословную репутацію.

Изъ пяти женщинъ, жившихъ съ Голованомъ, три были его сестры, одна мать, а пятая называлась Павла, или иногда Павлагейушка. Но чаще ее называли „Головановъ грѣхъ“. Такъ я привыкъ слышать съ дѣтства,